

Эта история целиком и полностью вымышленная, и ни один ее персонаж не имеет реального прототипа. Район Хьединсфьордюра¹ необитаем с 1951 года, и рассказ о людях, впоследствии проживавших к западу от лагуны Хьединсфьардарватн, является плодом воображения автора. Стоит, однако, заметить, что описание путешествия женщины из Кванндалира в Хьединсфьордюр в третьей главе основано на повествовании Торхатлы Хьяульмарсдоуттир о Гвюдрун Тораринсдоуттир и путешествии, которое та совершила осенью 1859 года. Мой дедушка, Т. Рагнар Йонассон, в свою очередь записал рассказ Торхатлы в 1986 году и опубликовал его в своем произведении «Сказки и легенды Сиглуфьордюра», вышедшем в издательстве «Вака-Хельгафетль» в 1996 году. Цитата, предваряющая роман, взята из его же книги «Истории о Сиглуфьордюре», опубликованной тем же издательством годом позднее.

¹ Хьединсфьордюр — фьрд на севере Исландии. — Здесь и далее примеч. переводчика.

Особую признательность за ценные советы и прочтение рукописи выражаю специалисту по инфекционным заболеваниям Харальдюру Бриему, инспектору полиции Эйрикюру Рапну Рапнссону, прокурору Хюльде Марии Стефаунсдоуттир и доктору Йоуну Гюннлойгюру Йонассону. Ответственность за окончательный вариант, включая любые возможные ошибки, полностью лежит на авторе.

ИСЛАНДИЯ

...Жить в Хьединсфьордюре было совсем не просто, и сообщение с соседними районами было сопряжено с многочисленными трудностями. Гавани на побережье не имелось, так что зимой добраться туда по морю зачастую не представлялось возможным. Ситуацию усугубляли и снегопады, что обрушивались на окружавшее фьорд высокогорье.

*Т. Рагнар Йонассон.
Истории о Сиглуфьордюре*

Вечер был ничем не примечательным. Роберт проводил его точно так же, как и любой другой вечер, — растянувшись на диване.

Они жили в квартирке на цокольном этаже старого дома в западной части Рейкьявика, на Льюсватлагата. Дом, сооруженный в тридцатые годы двадцатого века, был средним в ряду из трех строений, стоявших, согласно тогдашней моде, стена к стене.

Роберт приподнялся на диване, протер глаза и бросил взгляд в окно гостиной, выходящее в разбитый перед домом крошечный сад. На улице темнело. Был март, так что погоды можно было ждать какой угодно, — например, сейчас накрапывал дождь. Стук капель по стеклу рождал чувство уюта и безопасности.

Занятия шли своим чередом. Несмотря на то что Роберту уже исполнилось двадцать восемь, он учился лишь на первом курсе инженерного

факультета. С цифрами он всегда ладил. Чего нельзя сказать о его отношениях с родителями; они оба работали бухгалтерами и жили в другом районе Рейкьявика — Аурбайре. Его общение с ними и раньше-то было непростым, а теперь и вовсе сошло на нет, поскольку Роберт не вписывался в их представление об успешной карьере. Все их попытки заинтересовать сына бухгалтерским делом потерпели крах.

Как бы то ни было, теперь он наконец поступил в университет, но так до сих пор и не удосужился поставить их об этом в известность. Роберт, как мог, старался сосредоточиться на учебе, но в последнее время ему это удавалось далеко не всегда — мыслями он уносился в Вестфирдир¹. Там у него с товарищами была лодка, и он с нетерпением ждал лета, когда, выйдя на ней в море, он сможет с легкостью обо всем позабыть — о хорошем и в первую очередь о плохом. Покачивание лодки на волнах наполняло его умиротворением — бывали дни, когда только эти морские прогулки и позволяли ему сохранять присутствие духа. В конце марта он намеревался встретиться со своими друзьями в Вестфирдире, чтобы привести лодку в рабочее состояние. Для его товарищей это в некотором роде был лишь повод устроить попойку, но только не для Роберта — он не прикасался к алкоголю уже два года.

¹ *Вестфирдир* — регион в северо-западной части Исландии.

Если бы он тогда не остановился, неизвестно, к чему привели бы эти возлияния. А к выпивке Роберт пристрастился после того рокового дня, восемь лет назад.

Тот день не предвещал ничего дурного. Погода была безветренной, и под теплыми лучами вечернего солнца на стадионе собралось довольно много болельщиков. Соперник попался довольно слабый, так что победа была у них почти в кармане. Роберту предстояли тренировки в юношеской сборной, а ближе к концу лета вырисовывалась перспектива попробовать себя в одной из ведущих команд Норвегии. Более того, агент Роберта рассказал ему об интересе, который к нему проявляла одна английская команда — пусть не игравшая в высшей лиге, но все же. Старик гордился им, словно собственным сыном. В свое время он и сам был неплохим футболистом, но построить спортивную карьеру не сумел. У современных спортсменов возможностей появилось гораздо больше.

До конца основного времени оставалось пять минут, когда Роберт завладел мячом. Обходя защитников, он вел мяч к воротам противника, в которых с испуганным выражением лица метался голкипер. Роберта охватило знакомое возбуждение: еще чуть-чуть — и они победят со счетом пять—ноль.

Игрока, который попытался отобрать у него мяч, Роберт так и не увидел. Он только услышал

хруст ломающейся в трех местах ноги и испытал жесточайшую боль. С трудом ее преодолевая, Роберт опустил глаза и убедился, что перелом открытый.

Эта картина навсегда запечатлелась в его мозгу. О днях, проведенных в больнице, у него оставались лишь туманные воспоминания, однако в память врезались слова врача, что он вряд ли снова сможет играть в футбол — по крайней мере, на профессиональном уровне. Роберт тогда на все плюнул и стал искать утешения на дне бутылки. Глоток за глотком. Вопреки всем прогнозам его восстановление шло довольно успешно, но, как это ни печально, возвращаться к спортивной карьере было уже слишком поздно.

И теперь судьба снова улыбнулась Роберту. У него была Сюнна; маленький Кьяртан тоже занял в его сердце свою нишу. Однако его по-прежнему одолевали неприятные воспоминания, как он ни старался от них избавиться.

Сюнна вернулась домой, когда день клонился к закату. Постучав в окно, она сообщила Роберту, что потеряла ключи. Выглядела она, как всегда, великолепно. На ней были черные джинсы и серая водолазка, черные волосы, длинные и блестящие, обрамляли ее лицо с решительными чертами. В первую очередь Роберта очаровали ее глаза, а вслед за ними и восхитительная фигура — ничего удивительного, ведь Сюнна была танцовщицей. Временами казалось, что она не

ходит, а кружится по квартире в танце. Двигалась она несуетливо и грациозно.

Роберт понимал, что ему крупно повезло с Сюнной. Он познакомился с ней на дне рождения своего друга, и между ними сразу пробежала искра. И вот уже немногим более полугода они были парой, а три месяца назад стали жить вместе.

Войдя в дом, Сюнна включила обогреватель на полную мощность — она была более чувствительна к низкой температуре, чем Роберт.

— На улице такой холод, — сказала Сюнна.

Дома тоже было прохладно: окно в гостиной закрывалось неплотно, так что полностью защититься от сквозняков было проблематично.

Отношения Роберта и Сюнны складывались хорошо, хотя жизнь их была далека от идиллии. От предыдущего брака у Сюнны остался полугодовалый сын Кьяртан, за опеку над которым она вела непримиримую борьбу с Бреки, отцом ребенка. Поначалу они договорились о совместной опеке, и как раз сейчас Кьяртан находился у отца.

Сюнна, однако, наняла адвоката и стала отстаивать свое право единолично воспитывать сына. Помимо прочего, она также подумывала поехать в Великобританию, чтобы совершенствоваться там в искусстве танца, хотя дальше их с Робертом разговоров на эту тему дело пока не продвинулось. Бреки подобную перспективу

принял в штыки, и все шло к тому, что разногласия им придется разрешать в суде, где, как считала Сюнна, ее шансы на выигрыш довольно велики.

— Присаживайся, дорогая, — пригласил Роберт. — Я приготовил пасту.

— Умница, — ответила она, уютнее устраиваясь на диване.

Роберт принес из кухни еду, тарелки и стаканы, не забыв захватить кувшин с водой.

— Надеюсь, паста вполне съедобная. Я ведь пока еще не очень искушенный повар.

— Я такая голодная, что съем все, что угодно.

Включив расслабляющую музыку, Роберт уселся рядом с Сюнной. Она стала рассказывать ему, каким был день, как прошла репетиция, а также о том, в каком напряжении она живет. Сюнна была перфекционисткой и не терпела ошибок.

Ее откровения делали атмосферу в гостиной по-особенному приятной. Паста удалась — ничего выдающегося, но довольно вкусно, — и Роберта это радовало.

Внезапно Сюнна поднялась с дивана и, ухватив Роберта за руку, велела:

— Вставай, любовь моя. Потанцуем.

Роберт послушно встал, крепко прижал ее к себе, и они начали двигаться в такт томной южноамериканской балладе. Он скользнул рукой Сюнне под водолазку и, поглаживая ее по спи-

не, воспользовался возможностью, чтобы одним неуловимым движением расстегнуть бюстгальтер. В этом он был мастер.

— Послушай-ка, парень, — сказала Сюнна с нарочитой строгостью и лукавой искоркой в глазах, — что это ты делаешь?

— Мы ведь не упустим случая, раз уж Кьяртан сегодня у отца, — ответил Роберт и запечатлел на ее губах долгий поцелуй.

Они почувствовали, как их накрывает теплой волной, — и дело было не только в том, что температура в гостиной поднималась. Прошло совсем немного времени, прежде чем они оказались в спальне.

По старой привычке Роберт захлопнул дверь и задернул занавески на выходящем в сад окне. Этих мер, однако, было недостаточно для того, чтобы соседи не слышали их сладострастных стонов.

Воцарившаяся в конце концов тишина была нарушена глухими ударами в дверь, которые перемежались со стуком дождевых капель по стеклу. Первая мысль была о том, что стучат в заднюю дверь, как раз в ту, что выходила на крыльцо старого дома.

В то же мгновение Сюнна приподнялась в кровати и с тревогой посмотрела на Роберта. Тот попытался скрыть испуг под маской мужественности, встал с постели и, не заботясь о том, чтобы прикрыть наготу, шагнул в гостиную. Там никого не было.

А вот задняя дверь была открыта и раскачивалась от порывов ветра. Выглянув на крыльцо, Роберт тут же захлопнул ее: одного быстрого взгляда на улицу было достаточно, чтобы потом не упрекать себя в том, что он этого не сделал. Однако, даже если бы за порогом стоял целый полк солдат, он бы их не разглядел — такая была темнота.

Под стук собственного сердца, которое колотилось все сильнее, он переходил из одной комнаты в другую, но непрошенных гостей не обнаружил. Слава богу, хоть Кьяртана нет дома!

И тут Роберт увидел то, что лишило его сна на остаток ночи.

Он бросился обратно через гостиную к спальне, ужаснувшись внезапной мысли, что, пока он бродит по дому, что-то могло произойти с Сюнной. Почти не дыша, Роберт проскользнул в спальню.

Сюнна сидела на краю кровати, натягивая на себя футболку. Она улыбнулась ему, но в глазах ее была тревога.

— Все в порядке, дорогая, — сказал Роберт слегка дрожащим голосом, надеясь, что Сюнна этого не заметит. — Просто я вчера выносил мусор, а когда зашел обратно в дом, недостаточно плотно захлопнул заднюю дверь, и она осталась незапертой, — солгал он. — Ты ведь знаешь, там, бывает, такой ветрище поднимется. Не вставай — я принесу тебе что-нибудь выпить.

Не теряя времени, Роберт ретировался из спальни, плотно прикрыв за собой дверь, и, пользуясь возможностью, быстрее избавился от того, что его так поразило.

Он надеялся, что принял верное решение, ничего не рассказав Сюнне о мокрых следах, оставленных на полу незваным гостем, который вошел в дом из-под проливного дождя. И хуже всего было то, что следы эти были не только у задней двери, они тянулись до самой спальни.

Полицейский из Сиглуфьордюра Ари Тор Арасон и сам не смог бы объяснить, что его сподвигло достать из архива старое дело по просьбе человека, с которым он почти не был знаком, да еще теперь, когда в городке творилась такая сумятица.

Мужчина, представившийся Хьединном, позвонил Ари незадолго до Рождества, когда оперативный дежурный находился в отпуске в Рейкьявике. Просьба мужчины состояла в том, чтобы Ари, если ему позволит время, разобрался с одним старым делом о гибели молодой женщины. Ари пообещал, что по возможности займется им, однако вплоть до сегодняшнего вечера руки у него до этого не доходили. Он попросил Хьединна зайти в участок — естественно, предварительно удостоверившись, что в последние несколько дней тот не выходил из дома и, соответственно, не мог заразиться. Сам Хьединн отнесся к такому приглашению с определенной опаской: стоит ли ему встречаться с Ари в нынешних об-

стоятельствах? Однако в конце концов он решил не упускать такой возможности.

Инфекция стала распространяться среди горожан два дня назад по милости путешественника-экстремала из Франции. Сначала он прокатился в Африку, а оттуда направился напрямик в Гренландию, где арендовал самолет, чтобы побыстрому слетать в Исландию с целью посетить расположенный в Сиглуфьордюре знаменитый Музей селедки. Приземлиться ему разрешили на крошечном аэродроме городка. В Сиглуфьордюре он собирался провести не более суток, но прямо в день прилета путешественник почувствовал резкое недомогание. Все указывало на то, что у него тяжелая форма гриппа, сопровождаемая высокой температурой; его состояние стремительно ухудшалось, и на следующий день мужчина скончался. Опасаясь того, что дело здесь не в банальном гриппе, а в чем-то гораздо более коварном, местные власти связались со специалистом по инфекционным заболеваниям из Рейкьявика. Тот пришел к выводу, что речь идет о геморрагической лихорадке, которую француз, видимо, подхватил в Африке и до поры до времени переносил бессимптомно. Заболевание считалось крайне заразным, так что горемыка, вполне возможно, успел передать его не одному человеку, до того как течение болезни у него самого не приняло крайние формы.

Полицию Сиглуфьордюра уведомили, что эпидемиолог провел встречу в Департаменте обще-